

Научная статья

УДК 339.72

ВЛИЯНИЕ САНКЦИОННЫХ РЕЖИМОВ НА АРХИТЕКТУРУ МЕЖДУНАРОДНЫХ РАСЧЕТОВ И ВАЛЮТНУЮ КОНКУРЕНЦИЮ

**Астра Анжелика Александровна, Доктор экономических наук,
Новосибирский государственный технический университет, Факультет
бизнеса, Кафедра менеджмента, Россия, Новосибирск, asanzh360@mail.ru**

Аннотация. На современном этапе представляется необходимым проведение комплексного исследования, направленного на всесторонний анализ причинно-следственных связей между эскалацией санкционного давления, адаптационными мерами субъектов мировой экономики и структурными сдвигами в архитектуре международных расчетов и валютной конкуренции. Настоящая работа ставит целью последовательное изучение следующих взаимосвязанных аспектов: анализ санкций как инструмента геоэкономической политики и их эволюции в период 2021-2025 гг.; оценка адаптационных стратегий стран, подвергшихся санкциям, с фокусом на внедрение альтернативных систем расчетов и цифровых активов; исследование феномена фрагментации глобальной финансовой инфраструктуры и повышения значимости региональных платежных систем; взвешенная оценка реальных перспектив и темпов дедолларизации в международных расчетах, а также потенциала других валют для занятия более весомой резервной роли. Результаты такого анализа позволят сформировать более четкое понимание траектории развития мировой финансовой системы в условиях нарастающей геоэкономической турбулентности. Выводы: эскалация санкционных режимов в 2021-2025 гг. выступила в качестве катализатора глубоких структурных изменений в архитектуре международных расчетов. Эти изменения носят не краткосрочный, а фундаментальный характер, знаменуя переход от

универсальной, доллароцентричной модели, доминировавшей в первые два десятилетия XXI века, к модели многополярной и институционально сегментированной. Складывающаяся система международных расчетов характеризуется возрастающей сегментацией и регионализацией. Она приобретает многополярную структуру, в которой доминирование доллара США в глобальном масштабе сосуществует с укреплением региональных валютных зон.

Ключевые слова: санкционные режимы; архитектура международных расчётов; валютная конкуренция; валютная зона; эскалация; доллароцентричная модель; цифровые активы.

Original article

THE IMPACT OF SANCTIONS REGIMES ON THE ARCHITECTURE OF INTERNATIONAL SETTLEMENTS AND CURRENCY COMPETITION

Anzhelika Aleksandrovna Astra, Doctor of Economics, Novosibirsk State Technical University, Faculty of Business, Department of Management, Novosibirsk, Russia, asanzh360@mail.ru

Abstract. At the present stage, it seems necessary to conduct a comprehensive study aimed at a comprehensive analysis of the cause-and-effect relationships between the escalation of sanctions pressure, the adaptation measures of global economic entities, and structural shifts in the architecture of international settlements and currency competition. This paper aims to consistently study the following interrelated aspects: analysis of sanctions as an instrument of geoeconomic policy and their evolution in the period 2021-2025; assessment of the adaptation strategies of countries subject to sanctions, with a focus on the implementation of alternative settlement systems and digital assets; study of the phenomenon of fragmentation of the global financial infrastructure and the increasing importance of regional payment systems; a balanced assessment of the real prospects and pace of de-dollarization in international

settlements, as well as the potential of other currencies to occupy a more significant reserve role. The results of this analysis will allow for a clearer understanding of the trajectory of the development of the global financial system in the context of increasing geoeconomic turbulence. Conclusions: escalation of sanctions regimes in 2021-2025. acted as a catalyst for profound structural changes in the architecture of international payments. These changes are not short-term but fundamental, marking a transition from the universal, dollar-centric model that dominated the first two decades of the 21st century to a multipolar and institutionally segmented model. The emerging system of international payments is characterized by increasing segmentation and regionalization. It is acquiring a multipolar structure in which the global dominance of the US dollar coexists with the strengthening of regional currency zones.

Keywords: sanctions regimes; international settlements architecture; currency competition; currency zone; escalation; dollar-centric model; digital assets.

Введение. Современная система международных экономических отношений переживает период структурной трансформации, обусловленной нарастанием геэкономических противоречий и активным использованием ограничительных мер в качестве инструмента внешней политики [1]. Санкционные режимы, особенно их беспрецедентное ужесточение и распространение в период с 2021 года по 2025 год, перестали выполнять исключительно точечную целевую функцию, эволюционировав в фактор давления на основы глобальной финансовой архитектуры. Основополагающими элементами этой архитектуры, испытывающими наиболее значимое воздействие, являются устоявшиеся механизмы международных расчетов и сложившаяся иерархия резервных валют, где доминирующая роль исторически принадлежит доллару США.

Интенсивное применение санкций, затрагивающих ключевые банковские институты, отсечение от систем межбанковских сообщений SWIFT и ограничения для центральных банков, привело к изменению характера

экономических рисков. Они трансформировались из преимущественно рыночных и макроэкономических в риски политико-институциональные, связанные с возможностью внезапного ограничения доступа к глобальным платежным каналам и резервным активам. Данный сдвиг инициировал пересмотр многими государствами, особенно теми, которые либо подвергаются ограничительным мерам, либо рассматривают такую вероятность в будущем, своих стратегий обеспечения экономической безопасности и финансового суверенитета [2].

В качестве ответа формируется комплекс адаптационных стратегий, направленных на создание и развитие альтернативных механизмов осуществления трансграничных расчетов. Эти стратегии включают в себя усиление роли национальных валют в двусторонней торговле, развертывание региональных платежных систем, не зависящих от западной инфраструктуры, а также эксперименты с цифровыми финансовыми активами, включая криптовалюты и розничные цифровые валюты центральных банков (CBDC). Каждое из этих направлений несет в себе потенциал для модификации существующих и создания новых платежных контуров, функционирующих параллельно традиционным.

Кумулятивным эффектом указанных процессов становится прогрессирующая фрагментация глобальной финансовой инфраструктуры. Универсальная, доллароцентричная система расчетов, характерная для конца XX – начала XXI века, уступает место более сложной и сегментированной модели. В ней возрастает вес региональных и специальных платежных систем, формируются транзакционные пулы, основанные на иных валютных и технологических стандартах. Данная тенденция ставит под сомнение незыблемость доллара США как доминирующего средства международных расчетов и резервных накоплений, актуализируя научную и практическую дискуссию о перспективах дедолларизации.

Обзор источников академической литературы. В системе

международных экономических отношений санкции представляют собой комплекс ограничительных мер принудительного характера, инициируемых одним государством, группой государств или международными организациями в отношении других субъектов с целью изменения их политического или экономического поведения [3]. С точки зрения теории геоэкономики санкции трансформируются из вспомогательного дипломатического инструмента в ключевой элемент стратегического соперничества, где контроль над финансовыми потоками, технологическими стандартами и цепями поставок становится новой формой стратегического доминирования [4]. Эскалация их применения в период 2021-2025 гг. демонстрирует определенный сдвиг: от относительно точечных, целевых мер в отношении отдельных лиц или компаний к мерам секторального и макроэкономического характера, направленным на структурное ослабление экономик стран-мишеней и их изоляцию от ключевых узлов глобальной системы.

Основной парадигмой этого периода стал переход к политике «максимального экономического давления», нацеленной не только на изменение конкретных действий, но и на долгосрочное снижение экономического и технологического потенциала. Ключевыми каналами воздействия являются ограничение доступа к международным финансам и платежным системам, эмбарго на критический технологический импорт, запреты на экспорт энергоносителей и иные сырьевые товары, а также вторичные санкции, создающие экстерриториальные риски для третьих стран, продолжающих экономическое взаимодействие с объектом ограничений [5], [6].

Эскалация носила нелинейный, но кумулятивный характер, достигнув переломного момента в 2022 году. Санкционный режим стал более комплексным, многоуровневым и скоординированным среди западных стран. Заморозка приблизительно 300 млрд. долларов США золотовалютных резервов Банка России в 2022 году стала беспрецедентным аспектом давления, подорвавшим базовый принцип суверенного иммунитета центральных банков

[7]. Отключение ряда российских банков от системы SWIFT создало операционные сложности, но также стимулировало поиск альтернатив. К 2025 году давление сместилось на банки третьих стран (Турция, ОАЭ, Китай, Казахстан) с рисками вторичных санкций для предотвращения обхода ограничений.

Введение коалицией во главе с США и Японией широкомасштабного экспортного контроля на поставки в Россию полупроводников, оборудования для их производства, авиационных компонентов и телекоммуникационного оборудования. В 2024-2025 гг. данные меры были расширены на поставки станков, промышленных роботов и специализированного программного обеспечения, что направлено на эрозию оборонного и гражданского технологического базиса.

Поэтапный запрет ЕС на импорт морской российской нефти (декабрь 2022 года) и нефтепродуктов (февраль 2023 года), дополненный механизмом ценового потолка, координируемым G7 [8]. Это гибридный инструмент, сочетающий запрет на логистические и страховые услуги для грузов, продаваемых выше установленной цены, что позволяет сохранять потоки сырья на рынок, но ограничивать доходы экспортера.

Эволюция парадигмы применения санкций в геоэкономической политике (2021-2025 гг.) проиллюстрирована на рисунке 1.

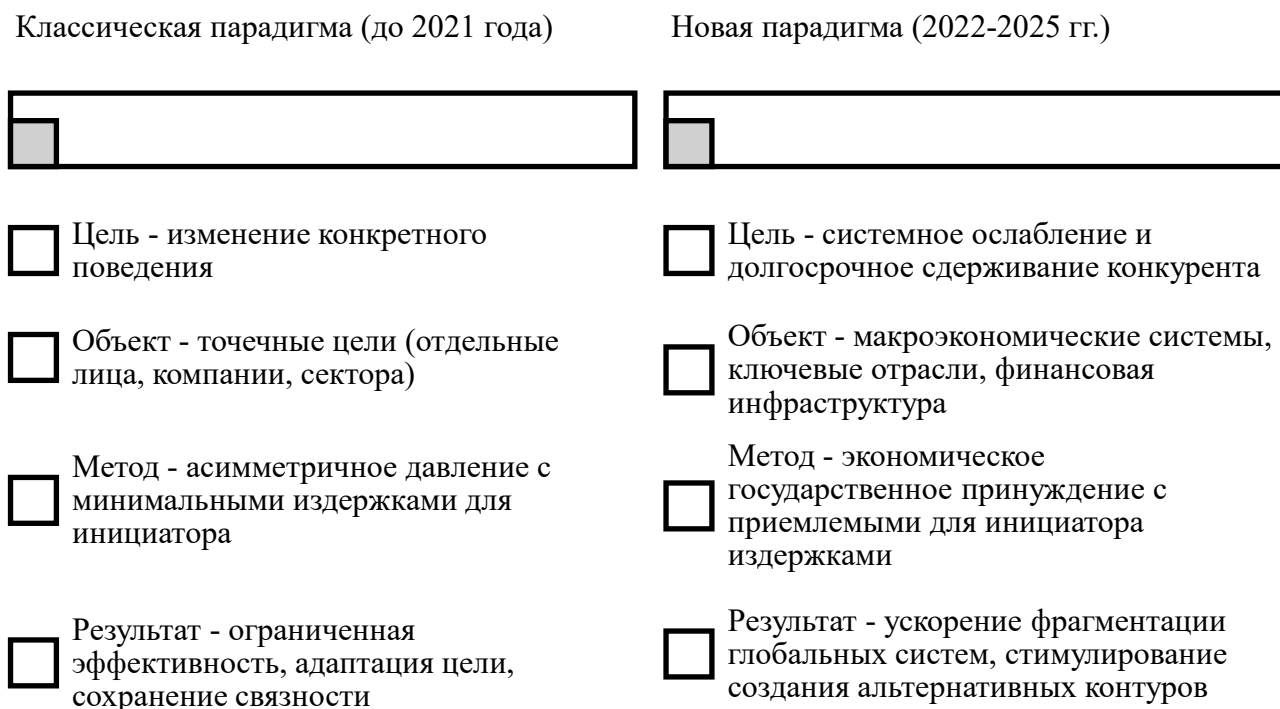

Рисунок 1 - Эволюция парадигмы применения санкций в геоэкономической политике (2021-2025 гг.) (источник: разработано авторами)

Эскалация санкций в 2021-2025 гг. свидетельствует об их переходе в категорию постоянного элемента геоэкономического ландшафта. Они формируют новую систему рисков, где экономические связи становятся уязвимыми не только к рыночным колебаниям, но и к внезапным политико-правовым разрывам. Это, в свою очередь, детерминирует стратегии дерискинга, перестройку цепочек добавленной стоимости и поиск альтернативных механизмов расчетов и резервного накопления, что в совокупности способствует глубокой трансформации архитектуры мировой экономики.

Методологическая и теоретическая база исследования. Проведенное исследование основывается на теоретических положениях геоэкономики, рассматривающей мировую экономику как пространство стратегического соперничества, где контроль над финансовыми потоками и инфраструктурой является ключевым инструментом влияния [9-11]. В качестве методологической основы применяется системный подход, позволяющий проанализировать взаимосвязь между санкционным давлением, адаптационными стратегиями

государств-мишеней и структурными трансформациями в глобальной финансовой архитектуре.

Объектом исследования выступают национальные и межгосударственные стратегии в сфере международных расчетов и валютного регулирования, формируемые в ответ на ограничительные меры. Предметом исследования являются причинно-следственные связи между эскалацией санкций, развитием альтернативных платежных систем, процессом фрагментации и динамикой валютной конкуренции.

Эмпирическую базу составляют данные международных финансовых организаций (МВФ, БМР), операторов платежных систем, центральных банков, а также нормативные акты и отчеты государственных органов за период 2021-2025 гг. Используются методы сравнительного анализа, статистического наблюдения за долей валют в резервах и расчетах, а также моделирования сценарных условий для оценки потенциала дедолларизации.

Результаты исследования и их обсуждение. Ответные стратегии стран, находящихся под санкционным давлением, эволюционировали от импровизированных мер по замещению выбывающих финансовых каналов к выстраиванию институциональных альтернатив. Анализ выявил три основных адаптационных вектора:

1. Ускоренный переход на расчеты в национальных валютах в двусторонней торговле. Данная стратегия, долгое время обсуждавшаяся теоретически, получила практическое ускорение. Например, доля расчетов в национальных валютах во внешней торговле России с Китаем превысила 90% к концу 2024 года, по сравнению с примерно 25% в начале 2022 года. Аналогичные, но менее масштабные процессы наблюдаются в торговле Индии с ОАЭ, Бразилии с Аргентиной. Это снижает зависимость от доллара США как расчетной единицы и валюты ценообразования для конкретных товарных потоков.

2. Развертывание и использование альтернативных международным

(SWIFT) систем передачи финансовых сообщений. В качестве ключевого примера выступает российская Система передачи финансовых сообщений (СПФС). Ее развитие и интеграция с аналогами партнеров представляют собой прагматичный ответ на риск отключения. Динамика подключения иностранных участников к СПФС отражает прирост, хотя и с относительно низкой абсолютной базы.

3. Эксперименты с цифровыми финансовыми активами (ЦФА), включая криптоактивы. Использование децентрализованных криптоактивов (Bitcoin, Ethereum) для трансграничных расчетов показало ограниченную эффективность для крупных государственных операций из-за волатильности, проблем с масштабируемостью и растущего регулирования в юрисдикциях-инициаторах санкций. В то же время пилотные проекты по использованию розничных цифровых валют центральных банков (CBDC) для трансграничных расчетов (проекты mBridge, Project Dunbar) получили дополнительный стимул. Они рассматриваются как потенциальная основа для будущих многосторонних расчетных платформ, снижающих зависимость от корреспондентских сетей традиционных банков.

Накопленный эффект от описанных адаптационных стратегий - формирование новых, слабо связанных между собой финансовых контуров. Этот процесс определяется как стратегическая фрагментация, а именно сознательное построение параллельных инфраструктурных решений в ответ на воспринимаемые риски исключения из доминирующей системы.

Большая часть мировой торговли и финансов по-прежнему осуществляется через традиционный контур (система SWIFT + корреспондентские счета в зарубежных валютах). Однако альтернативные варианты расчётов создают «страховочный механизм» для своих участников, снижая критичность потенциального разрыва связей. Экономические издержки фрагментации выражаются в повышении транзакционных издержек для бизнеса, необходимости дублирования инфраструктуры и усложнении

макроэкономического управления.

Дедолларизация в данном контексте понимается как постепенное, неравномерное снижение его исключительной доли в функциях средства международных расчетов, единицы измерения стоимости и резервного актива. Статистика подтверждает начало этого процесса в отдельных сегментах, но не в глобальном масштабе (таблица 1).

Таблица 1 - Доля основных валют в мировых валютных резервах и расчетах

Валюта	Доля в мировых официальных валютных резервах (Q4 2019)	Доля в мировых официальных валютных резервах (Q4 2024)	Доля в глобальных платежах через SWIFT (2019)	Доля в глобальных платежах через SWIFT (2024)	Тренд
Доллар США (USD)	61,0	58,5	42,0	46,5	Незначительное снижение в резервах, прирост в платежах из-за волатильности
Евро (EUR)	20,0	19,8	32,0	23,0	Стагнация в резервах, заметное снижение в платежах, что отражает экономическую уязвимость ЕС
Японская иена (JPY)	5,6	5,4	3,5	1,6	Плавное снижение по обоим показателям
Китайский юань	2,0	2,9	1,9	4,7	Устойчивый, но медленный рост с

(CNY)					низкой базы
Прочие (включая AUD, CAD, CHF, GBP)	11,4	13,4	20,6	24,2	Повышение доли «прочих» в резервах указывает на диверсификацию, но не в пользу одной валюты

Источник: разработано авторами.

Китайский юань обладает максимальным институциональным и экономическим потенциалом. Повышение его доли сдерживается сохраняющимся контролем за движением капитала, недостаточной глубиной и открытостью финансового рынка, а также геополитическими рисками. Юань становится значимой региональной и товарной расчетной валютой, но перехода к статусу главной резервной валюты в среднесрочной перспективе не ожидается.

Потенциал евро ограничен незавершенностью архитектуры Экономического и валютного союза, отсутствием полноценного фискального союза и единого рынка государственного долга, а также зависимостью от энергетического импорта. Санкционная политика ЕС, ослабляющая его экономику и экспортную мощь, также подрывает привлекательность евро как резервного актива.

Теоретически возможное создание новой расчетной единицы на корзине валют стран БРИКС сталкивается с проблемами: отсутствием единого экономического и политического центра, разнонаправленными макроэкономическими политиками стран-участниц, сложностями в определении весов и обеспечении ликвидности. Реализация подобного проекта представляется крайне сложной в ближайшей перспективе.

Выводы. Проведенный анализ позволяет констатировать, что эскалация санкционных режимов в 2021-2025 гг. выступила в качестве катализатора структурных изменений в архитектуре международных расчетов.

Во-первых, санкции эволюционировали из инструмента точечного давления в инструмент стратегического геэкономического соперничества, направленный на ослабление макроэкономического и технологического потенциала стран-мишеней. Это привело к переоценке рисков со стороны значительного числа государств, которые стали рассматривать зависимость от долларовых платежных каналов и резервных активов как источник уязвимости национальной экономической безопасности. В ответ сформировался комплекс адаптационных стратегий, включающих ускоренный перевод двусторонней торговли на национальные валюты, создание и подключение к альтернативным системам передачи финансовых сообщений (СПФС, CIPS), а также пилотные проекты с использованием цифровых валют центральных банков для трансграничных расчетов.

Во-вторых, кумулятивным эффектом этих адаптационных мер стала фрагментация глобальной финансовой инфраструктуры. Формируются параллельные, слабо связанные между собой расчетные контуры. Традиционный контур, основанный на долларе США, системе SWIFT и западной корреспондентской сети, продолжает обслуживать основную часть мировых транзакций, однако его монопольное положение подорвано. Одновременно укрепляются региональные контуры, такие как евразийский, где используются комбинации национальных валют, локальные платежные системы и прямые межбанковские подключения. Это способствует увеличению транзакционных издержек и усложнению управления международной ликвидностью.

В-третьих, процесс дедолларизации в международных расчетах приобрел реальные очертания, однако его масштабы и характер следует оценивать дифференцированно. Наиболее заметно снижение роли доллара США как валюты ценообразования и платежа в двусторонней торговле между странами, не входящими в ядро западного альянса, а также в торговле сырьевыми товарами. При этом доллар сохраняет доминирующие позиции как ключевая мировая резервная валюта, чему способствуют глубина и ликвидность рынка

казначейских обязательств США, а также инерция сложившихся практик. Потенциал других валют, прежде всего, китайского юаня, для занятия сопоставимой резервной роли в среднесрочной перспективе ограничен сохраняющимся контролем за движением капитала и относительной закрытостью финансовых рынков.

Список литературы

108. Фальченко О. Д., Стремоусова Е. Г., Гришкина Е. В. Особенности трансформации трансграничных платежей в условиях санкций: выбор оптимальной схемы для участника ВЭД // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2025. – №. 3. – С. 7-31.
109. Кузнецов А. В. Влияние геополитической ситуации на формирование новой мировой финансовой архитектуры: вызовы и возможности для России // Экономика. Налоги. Право. – 2022. – Т. 15. – №. 4. – С. 17-29.
110. Минакир П. А. Мировая экономика: идеальный шторм // Пространственная экономика. – 2022. – Т. 18. – №. 2. – С. 7-37.
111. Манушин Д. В. Мировая санкционная экономика, санкции, контрсанкции и новая мировая валюта // Russian Journal of Economics and Law. – 2022. – Т. 16. – №. 2. – С. 345-369.
112. Арапова Е. Я. Новые модальности глобальной санкционной политики // Международная аналитика. – 2023. – Т. 14. – №. 1. – С. 37-51.
113. Переход С. А., Мхитарян А. В., Селифонкина Д. С. Международные санкции против России (2014–2024 гг.): оценка и последствия для финансового рынка // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2024. – №. 4. – С. 116-138.
114. Матвиенко Г. В. Меры противодействия экономическим санкциям, препятствующим осуществлению международных расчетов: финансово-правовые аспекты // Lex russica. – 2025. – Т. 78. – №. 6 (223). – С. 93-111.
115. Третьякова Г. В., Казаченко А. А., Льюнг Н. Л. В. Перспективы использования национальных валют в международных расчетах с участием

России и Китая // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2022. – №. 58. – С. 190-207.

116. Демченко М. В., Тормозова В. А. Регуляторное воздействие на финансовый рынок в условиях санкций недружественных государств // Экономика. Налоги. Право. – 2024. – Т. 17. – №. 3. – С. 182-190.

117. Манушин Д. В. Мировая санкционная экономика, санкции, контрсанкции и новая мировая валюта // Russian Journal of Economics and Law. – 2022. – Т. 16. – №. 2. – С. 345-369.

118. Косов М. Е., Платонов А. П., Решетников С. Б., Чернышева Т. К. Влияние санкционных ограничений на финансовый и банковский секторы Российской Федерации // Финансовый журнал. – 2025. – Т. 17. – №. 4. – С. 62-82.

References

1. Falchenko O. D., Stremousova E. G., Grishkina E. V. Features of the transformation of cross-border payments under sanctions: choosing the optimal scheme for a foreign trade participant // EТАPE: economic theory, analysis, practice. - 2025. - No. 3. - P. 7-31.

2. Kuznetsov A. V. The influence of the geopolitical situation on the formation of a new global financial architecture: challenges and opportunities for Russia // Economy. Taxes. Law. - 2022. - Vol. 15. - No. 4. - P. 17-29.

3. Minakir P. A. Global economy: the perfect storm // Spatial economy. - 2022. - Vol. 18. - No. 2. - P. 7-37.

4. Manushin D. V. The Global Sanctions Economy, Sanctions, Counter-Sanctions, and the New Global Currency // Russian Journal of Economics and Law. - 2022. - Vol. 16. - No. 2. - P. 345-369.

5. Arapova E. Ya. New Modalities of Global Sanctions Policy // International Analytics. - 2023. - Vol. 14. - No. 1. - P. 37-51.

6. Perekhod S. A., Mkhitarian A. V., Selifonkina D. S. International Sanctions against Russia (2014–2024): Assessment and Consequences for the Financial Market // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. - 2024. -

No. 4. - P. 116-138.

7. Matviyenko G. V. Countermeasures to economic sanctions that impede the implementation of international settlements: financial and legal aspects // *Lex russica*. - 2025. - Vol. 78. - No. 6 (223). - P. 93-111.

8. Tretyakova G. V., Kazachenko A. A., Lyong N. L. V. Prospects for the use of national currencies in international settlements with the participation of Russia and China // *Bulletin of Tomsk State University. Economics*. - 2022. - No. 58. - P. 190-207.

9. Demchenko M. V., Tormozova V. A. Regulatory impact on the financial market in the context of sanctions from unfriendly states // *Economics. Taxes. Law*. - 2024. - Vol. 17. - No. 3. – P. 182-190.

10. Manushin D. V. Global sanctions economy, sanctions, counter-sanctions and the new world currency // *Russian Journal of Economics and Law*. – 2022. – Vol. 16. – No. 2. – P. 345-369.

11. Kosov M. E., Platonov A. P., Reshetnikov S. B., Chernysheva T. K. The impact of sanctions restrictions on the financial and banking sectors of the Russian Federation // *Financial Journal*. – 2025. – Vol. 17. – No. 4. – P. 62-82.

Статья поступила в редакцию 28.05.2026; одобрена после рецензирования 25.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 28.05.2026; approved after reviewing 25.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.